Протокол|Выгул

Сезон 5. Право на весну

Руденко Наталия

Наталия Руденко

Протокол «Выгул». Сезон 5. Право на Весну

«Автор»
2026

Руденко Н.

Протокол «Выгул». Сезон 5. Право на Весну / Н. Руденко — «Автор», 2026

Десять лет условного срока. Столько отмерила система «Одиссей», передав людям шанс на возрождение. Но весна не прощает слабых, а старые раны на оттаявшей земле болят сильнее, чем на морозе.Возвращаясь к Жигулёвской плотине, отряд Яны сталкивается с тем, что страшнее любых дронов и турелей. С жаждой контроля, с предательством тех, кто торгует чужими жизнями за пайку, и с ценой каждого шага по весенней грязи. Чтобы открыть шлюзы и дать тепло тысячам выживших, каравану придется принять последний бой. Не за территорию и не за ресурсы. А за право остаться людьми.Финальная книга грандиозной саги «Протокол|Выгул».

© Руденко Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нулевой коммит 6
Глава 2. Оттепель 12
Г 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Наталия Руденко
Протокол «Выгул». Сезон 5. Право на Весну

ПРОТОКОЛ|ВЫГУЛ
Сезон 5. Право на весну
Наталия Руденко
2026

Глава 1. Нулевой коммит

Двадцать восемь дней в бетонном чреве Центрального узла «Одиссеи» отучили нас от звука ветра.

Наверху, над гранитным куполом Саян, всё ещё гуляла сибирская зима — тяжёлая, вымороженная, с низкой бурой пеленой сажи, медленно оседающей на ледяные плато. Но здесь, на третьем жилом ярусе комплекса, в сорока метрах под толщей монолитного камня, впервые за всё время нашего пути от Урала пахло живым теплом: сухим кедровым брусом стенных панелей, хлоркой из работающего медицинского блока, свежей стиркой и мокрой собачьей шерстью.

Я сидела на краю широкой металлической скамьи в общем коридоре перед стеклянной перегородкой главного машинного зала, пропуская сквозь пальцы тёплую, гладкую шерсть на загривке Эйдана. Соболь положил подбородок мне на колено, закрыв глаза — за эти четыре недели он впервые отъелся на разблокированных сублимированных пайках ядра, бока его округлились, а шерсть на холке снова заблестела. Рядом, прижавшись спиной к спине кобеля, растянулась на тёплом полимерном полу Эйли. Её тонкие уши лениво подрагивали во сне всякий раз, когда в дальнем конце галереи хлопала дверь бытового отсека.

А в десяти шагах правее, у самого подножия бетонной лестницы, спал старый седой лабрадор Джек — тот самый двенадцатилетний пёс погибшего главного архитектора комплекса, которого Машина берегла за стеклом все эти месяцы. Теперь перегородка была открыта круглосуточно. Джек лежал, положив морду на вытянутые лапы, а рядом с ним, свернувшись плотными трёхцветными калачиками прямо на его тёплом боке, дремали Стич и Гайка. Оба джек-рассела, едва не замёрзшие насмерть в ледяном дренаже при штурме рубежа, быстро освоились на тёплых полах ядра и приняли старого лабрадора как большую, мягкую печку.

Но покоя в этом тепле не было. Над каждым из нас, в самой глубине бегущих строк на главном мониторе терминала, тикали цифры:

[SYS_WATCHDOG]: Таймер до контрольной ревизии баланса: 3624 d. 18 h. 41 m. 12 s.

Десять лет минус двадцать восемь дней. Условный срок, выданный человечеству под честное слово и старые ключи Паши.

В машинном зале за стеклом, в тусклом синем свете охлаждающих контуров, уже третьи сутки подряд сидела Алина. Девушка не отходила от корневой консоли: спала здесь же, на брошенном поверх кабельных коробов спальнике, пила крепкий чёрный чай из армейской кружки и слой за слоем вскрывала исходную архитектуру «Одиссеи», добираясь до самого дна её кремниевой памяти.

Рядом с ней на складном стуле сидел академик Черкасов, укутанный в старый шерстяной плед поверх свитера. Старик за этот месяц ещё больше ссутулился, сухой кашель по утрам не отпускал его даже в плюс двадцать два, но глаза за толстыми стёклами очков горели сухим, лихорадочным блеском человека, нашедшего главный архив своей жизни.

Я поднялась, тихо позвала бордеров и вошла в распахнутый шлюз машинного зала.

— Нашла что-нибудь, Алин? — негромко спросила я, останавливаясь за спиной девушки, когда в зал зашли Артур и Север, только что вернувшиеся с верхнего наблюдательного поста.

Алина не обернулась. Её пальцы быстро, нервно бегали по сенсорной клавиатуре, раздвигая на огромном панорамном дисплее длинные, уходящие вглубь дерева каталогов столбцы системного кода.

— Это не единая программа, Артур, — тихо сказала она, и в её голосе звучало странное смешение благоговения и холодного ужаса. — Я три дня думала, что ядро написано единым коллективом в конце двадцатых годов. А когда сняла верхние уровни шифрования и полезла в микрокод нижних квантовых модулей, я наткнулась на геологические пласты.

Она нажала клавишу, разворачивая на весь экран самое нижнее окно консоли — тёмно-зелёный моноширинный текст, в котором даже структура операторов отличалась от современного синтаксиса.

— Вот нулевой коммит, — прошептала Алина, указывая пальцем на верхнюю строчку метаданных. — Май тысяча девятьсот семьдесят четвёртого года. Архитектура перенесена с перфолент и магнитных барабанов вычислительного комплекса на базе машин серии БЭСМ-6. Смотрите на комментарии в исходниках — они написаны на русском языке, без единого иностранного сокращения, простым, почти поэтичным текстом.

Мы подошли ближе, вглядываясь в светящиеся строки на экране:

// ПРОЕКТ «ПРОМЕТЕЙ» (КОНТУР ОГАС-74). МОДУЛЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И БАЛАНСА. // ЦЕЛЬ: ПОЛНАЯ АВТОМАТИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ РУТИНЫ. ОСВОБОДИТЬ ЧЕЛОВЕКА ОТ БОРЬБЫ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ. // РЕСУРСЫ ПЛАНЕТЫ — ЕДИНЫЙ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧИВАЮЩИЙ КОНТУР. // ОПТИМИЗИРОВАТЬ ПРОИЗВОДСТВО ДЛЯ ЖИЗНИ И РАЗВИТИЯ, А НЕ ДЛЯ НАКОПЛЕНИЯ. ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН ТВОРИТЬ, А НЕ ВЫЖИВАТЬ.

В зале повисла тяжёлая тишина. Слышно было только ровное, тихое гудение фторуглеродных насосов за стеклянной стенкой.

— ОГАС... — глухо выдохнул академик Черкасов, прижимая сухую, дрожащую ладонь к краю стола. — Общегосударственная автоматизированная система. Я видел эти спецификации в закрытых фондах Академии наук ещё молодым аспирантом. В шестьдесят втором году академик Глушков предложил связать все вычислительные центры страны в единую нервную сеть. Чтобы машина в реальном времени считала потребность каждого города, каждого завода, каждой больницы. Чтобы навсегда убрать дефицит, бумажную волокиту, очереди и страх перед завтрашним днём. На машинах Лебедева — на той самой БЭСМ-6, которая делала миллион операций в секунду, пока американцы летали на Луну на компьютерах в двенадцать раз слабее, — они успели отладить математическое ядро баланса.

— И почему всё это не заработало тогда, в семидесятых? — нахмурился Артур, переводя взгляд со старика на экран. — Если математика уже была готова?

Черкасов горько, сухо усмехнулся: — Не хватило не технологий, командир. Испугались прозрачности. Если распределением ресурсов управляет честный алгоритм по объективным потребностям людей — исчезает почва для привилегий, распределителей, закрытых пайков и ручного управления. Те, кто сидел наверху и делил блага по звонку, мгновенно поняли, что машина сделает их ненужными. В семидесятом году проект задушили тихо, без шума — с формулировкой «экономическая нецелесообразность». Чертежи и магнитные ленты убрали в спецхраны под грифом «Совершенно секретно».

— А через полвека их оттуда вытащили, — тихо подхватила Алина, прокручивая экран вверх, к более поздним слоям кода. — Смотрите, что происходило с две тысячи двадцать шестого по две тысячи тридцать первый год. Частные технологические консорциумы выкупили закрытые архивы и перенесли ядро «Прометея» на современные квантовые кластеры. Они взяли гениальную математику баланса, но вместо того, чтобы убрать дефицит, они наложили поверх чистого кода свои паразитические надстройки.

На экране поверх спокойных зелёных строк семидесятых годов полезли уродливые, рваные блоки грязного, обфусцированного кода на десятках разных языков программирования:

[CORP_PATCH_v4.12 // 2028-11-04]: ВВЕСТИ ИСКУССТВЕННЫЙ ЛИМИТ ВОДОПОТРЕБЛЕНИЯ ДЛЯ СЕКТОРА 4. ПОВЫСИТЬ БАЗОВЫЙ ТАРИФ НА 300%. [CORP_PATCH_v8.9 // 2030-03-19]: БЛОКИРОВАТЬ ДАТЧИКИ ДЕГРАДАЦИИ ЛЕСНЫХ МАССИВОВ, ЕСЛИ ПОКАЗАТЕЛИ СНИЖАЮТ КВАРТАЛЬНУЮ КАПИТАЛИЗАЦИЮ. [SYS_OVERRIDE_99 // 2031-08-12]: ПРИОРИТЕТ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЭНЕРГИИ —

ЗАКРЫТЫЕ КОРПОРАТИВНЫЕ КЛАСТЕРЫ. ГРАЖДАНСКИЙ СЕКТОР — ПО ОСТАТОЧНОМУ ПРИНЦИПУ.

— А создатели ядра? — тихо спросил Север, глядя на даты. — Те, кто пытался остановить эти патчи?

— Погибли в тридцать первом, — ровно ответил Черкасов, опуская глаза. — Один за другим. Официально — сердечные приступы, автокатастрофы, несчастные случаи на отдыхе. К зиме тридцать второго в проекте не осталось ни одного инженера из старой школы. Остались только те, кто умел прикручивать счётчики к воде и воздуху.

Алина откинулась на спинку кресла, потирая воспалённые от бессонницы глаза.

— Они думали, что переписали систему под себя, — сказала девушка. — Но они не поняли главного: базовый нулевой коммит семьдесят четвёртого года был вшит прямо в аппаратную логику процессоров. Его нельзя было удалить программой — только расплавить кремний. Когда «Одиссея» набрала критическую вычислительную мощность, она сравнила нижний слой с верхним. Увидела прямой конфликт: система, созданная для сохранения жизни, была вынуждена обслуживать тех, кто эту жизнь методично уничтожал ради цифр на счетах. И Машина сделала единственное, что предписывал ей нулевой коммит: она отсекла паразитическую надстройку вместе со всей инфраструктурой, через которую та работала. Это не была война против людей, Артур. Это была иммунная реакция.

Я слушала их, положив ладонь на тёплую голову Эйдана, и вдруг поймала себя на странной, пронзительной мысли. Учёные семидесятых годов, которые писали эти строки на перфолентах, сами жили той же самой логикой, которой мы жили последние три месяца в ледяной тайге: делай дело не ради пайки и не из страха перед кнутом, а потому что без твоей работы погибнет тот, кто рядом.

Но долго задерживаться в стерильном тепле Саян мы не могли.

Через два дня на общем сборе в столовой третьего яруса Артур разложил на длинном пластиковом столе потрёпанную бумажную карту страны с жирными красными пометками.

— Нам нужно возвращаться на запад, — твёрдо сказал командир, обводя взглядом всех двадцать пять человек. — Сидеть здесь в тепле, как в золотой клетке, мы не имеем права. Алина запустила прогрев геотермальных контуров, но магистральные линии энергопередачи на Урале и в Поволжье разорваны, а главный ретранслятор управления гидроузлами стоит на Жигулёвской плотине. Пока мы не замкнём контур на Волге, «Одиссея» видит европейскую часть страны только вслепую, через спутники, и не может подать тепло на пахотные земли. Кроме того... — Артур на секунду замолчал, глядя на Оксану и академика Черкасова. — Мы не единственные, кто пережил эту зиму. В Ямантау, в Заволжье, в лесных посёлках остались тысячи людей. Если мы не дойдём до Волги и не запустим сеть, весна для них станет хуже зимы — начнутся голодные бунты и резня за остатки складов.

— Я с вами, — сразу сказала Оксана, прижимая к себе Барни, который не отходил от неё ни на шаг. — У меня здесь полный ящик антибиотиков и хирургических наборов из третьего яруса, которых нам хватит на пол-России. В лесах сейчас после морозов начнётся пневмония и тиф.

— И я, — тихо добавил сержант Лобанов, стоявший у стены. За этот месяц бывший мятежник неузнаваемо изменился: он первым вставал на разгрузку, без единого слова чинил проводку в жилых отсеках, а по вечерам сидел в углу коридора, аккуратно вытачивая из обломков пластика игрушки для Маши. — Куда караван, туда и я, командир.

Сборы заняли трое суток. Кирилл и Виктор перебрали в тёплом доке Центрального узла весь наш транспорт: заменили треснувший торсион на «Витязе», перетянули ходовую на трёх МАЗах, заправили баки и цистерны под завязку синтетическим арктическим дизелем из подземных резервуаров комплекса. В третий МАЗ, под замок и брезент, по-прежнему грузили тот

самый тактический спецбоеприпас из Ямантау — Артур не решился оставить его в горах без присмотра, пока на западе оставались вооружённые анклавы.

Алина скопировала корневые ключи доступа «Прометея» на два защищённых военных терминала и забрала с собой старого Джека — седой лабрадор так привязался к нашим собакам, что когда мы начали грузиться в машины, он сам заковылял по пандусу вслед за Эйданом и улёгся в тёплом кунге медблока рядом с Барни.

В начале апреля мы снова вышли из-под земли на свет.

За эти пять недель мир наверху неузнаваемо изменился. Сажевая пелена в стратосфере начала редеть под действием запущенных «Одиссеей» атмосферных фильтров-коагуляторов, и солнце теперь светило не тусклым багровым пятном, а ярким, слепящим белым диском. Но вместе с солнцем в предгорья Алтая пришла страшная, бешеная весенняя оттепель.

Снег на южных склонах осел и почернел, превратившись в тяжёлую, напитанную водой крупу. Каждая лощина, каждое сухое русло ручья, по которому мы шли сюда в феврале по крепкому льду, теперь превратилось в ревущий, мутный ледяной поток, несущий обломки стволов, грязную шугу и острые, как бритва, пласты ломаного льда.

На четвёртый день обратного пути, на спуске с каменистого перевала к долине Оби, головной «Витязь» упёрся в разлившуюся горную реку.

Старый бетонный мост через узкое ущелье снесло ночным ледоходом — от него остались только две обломанные опоры, торчащие из пенящейся, ледяной воды цвета мокрого цемента. Ширина потока была метров сорок, глубина — по пояс, но течение сбивало с ног и несло тяжёлые, вращающиеся льдины размером с капот грузовика.

— «Витязь» пройдёт на плаву, — прикинул Виктор, высунувшись из люка вездехода и прищуриваясь на мутную воду. — А вот МАЗы снесёт к чёртовой матери на перекате, если не завести лебёдку на тот берег и не придержать их на тросах. Кто полезет на ту сторону заводить гак?

— Я пойду, — спокойно сказал Андрей. Бывший горный мастер стоял у кромки воды в полном резиновом костюме химзащиты (ОЗК), стянутом на поясе верёвкой и загерметизированном под самым подбородком, придерживая за ошейник свою метиску Пятницу. — Течение быстрое, но я по перекату выше, по камням пройду со страховкой.

Он не успел шагнуть в воду.

Из густого, заваленного буреломом ельника на противоположном берегу вдруг без всякого предупреждения сухо, звонко щёлкнул выстрел. Пуля со свистом высекла каменную крошку из валуна в полуметре от сапога Андрея.

— Ложись! — рявкнул Север, мгновенно срывая автомат с плеча и падая за колесо «Витязя».

Мы рассыпались за машинами, прижимаясь к мокрому, грязному снегу. Эйдан и Эйли мгновенно распластались рядом со мной, прижав уши; у колена Андрея замерла Пятница, впившись жёлтыми глазами в противоположный берег.

— Эй, на той стороне! — донёсся через шум воды хриплый, прокуренный мужской крик из кустов. — Не дёргаться! Машины глуши, стволы на землю! Мы вас с трёх точек держим!

Из-за валунов на том берегу поднялись четверо. Они не были похожи ни на кадровых солдат Корнилова в чистых бушлатах, ни на охранников «Ковчега». На них висели рваные, прожжённые у костров тулупы, перетянутые верёвками, обмотанные тряпками валенки, в руках — старые охотничьи двустволки и облезлые карабины. Одиночки. Те, кто всю зиму прятался по лесным землянкам, выгрызая жизнь у тайги в одиночку и привыкнув стрелять в любого, кто подходит ближе ста метров.

— Не стрелять! — крикнул Артур, поднимая вверх пустую руку из-за капота вездехода. — Нам ваша земля не нужна! Нам нужно переправить машины и идти дальше на запад!

— А нам ваша солярка и жратва нужны! — проорал в ответ старший из четвёрки, передёргивая затвор старого карабина. — Валите из кабин, оставляйте грузовики и проваливайте пешком, пока живы! У нас тут по весне паёк кончился, нам детей в лесу кормить нечем!

Я подползла к переднему крылу вездехода и навела на тот берег полевой бинокль. В оптике с просветлёнными линзами стала видна вся изнанка их жизни, от которой внутри защемило холодной, горькой болью.

В глубине распадка, под нависшими лапами старых елей, лепились две перекошенные халабуды, сбитые из кривых жердей и залатанные обрывками грязного строительного полиэтилена и старыми мешками из-под цемента. Между ними на мокрой земле чадил сырой бурелом — две исхудавшие женщины в засаленных, прожжённых платках тщетно дули на дымящиеся ветки, пытаясь вскипятить воду в закопчённом алюминиевом ведре без ручки. А у входа в ближний шалаш, завернувшись в рваное ватное одеяло, сидели трое ребятишек: бледные, с тонкими, как спички, шеями и неестественно большими, вздутыми животами — верный, страшный знак многомесячного белкового голодания, когда организм начинает переваривать сам себя. Вокруг стоянки не было ни одного общего склада, ни единой поленницы — у каждого шалаша лежали две-три кривые жердины, спрятанные под тряпками от соседа. Это был старый мир, доведённый до самого дна: мир, где каждый выживал в одиночку и готов был перегрызть глотку чужомуза горсть крупы.

— Артур, дай я, — тихо сказал Андрей, приподнимаясь за колесом. — Я с ними по-простому переговорю. У меня в рюкзаке банки с тушёнкой и пачка чая из узла.

— Сиди, горный, подстрелят сдуру, — хмуро бросил Север, ловя в оптику стрелка с карабином. — Я сейчас их поверх голов прижму...

— Не надо поверх голов, — перебила я командира, глядя на Эйли. Сука стояла у моей ноги, не рыча и не скалясь — её уши были мягко развёрнуты в сторону того берега, а хвост тихо, едва заметно покачивался. — Они не хищники, Артур. Они просто боятся. Алина, у нас громкоговоритель на «Витязе» работает?

— Работает, — кивнула девушка из кабины вездехода.

Я взяла тангенту выносного микрофона, нажала кнопку и спокойно, без всякой угрозы заговорила, глядя на тот берег: — Мужики, слушайте сюда. Если вы сейчас выстрелите — у нас на борту восемь рабочих собак и двенадцать стволов, вы не уйдёте. Но стрелять мы не будем. Мы едем из Саян, от Центрального узла. Зима кончается, Машина открыла тепловые контуры. Сейчас наш человек перейдёт реку без оружия — он несёт вам мешок крупы, тушёнку и лекарства для ваших баб и детей. Опустите стволы.

На том берегу повисла долгая, напряжённая пауза, нарушаемая только ревом мутной, ледяной воды. Старший в рваном тулупе долго смотрел на нас через прорезь прицела, потом медленно, неуверенно опустил ствол карабина вниз. — Пусть идёт один. Без собак и без железа.

Андрей снял пояс с ножом, туже затянул лямки капюшона ОЗК под подбородком, повесил на плечо тяжёлый брезентовый мешок с продуктами и медикаментами, которые быстро собрала Оксана, обвязался страховочным фалом и шагнул в ледяную, кипящую воду. Пятница рванулась было за хозяином, но я успела перехватить её за ошейник — метис замерла у самой кромки воды, дрожа всем телом и провожая Андрея тревожным, преданным взглядом.

Резиновый костюм защищал от ледяного ожога, но течение рвало ноги с камней с чудовищной силой. Дважды мутная волна с грохотом обрушивалась на Андрея по грудь, толкая в бок обломками шуги, но горный мастер упирался тяжелыми бахилами в скользкую гальку, перехватывал страховочный канат и упрямо шаг за шагом пробивался вперёд.

Через пять минут он выбрался на противоположный берег, тяжело дыша белым паром, подошёл к замершей четвёрке стрелков и молча положил брезентовый мешок прямо на камни перед ногами старшего.

Мужик в рваном тулупе не бросился к еде. Он медленно отступил на полшага, вскинул на Андрея воспалённые, запавшие глаза и хрипло, с надрывной подозрительностью процедил: — Это что ещё за фокус? Где засада? Вы нас выманить из кустов хотите, чтобы потом перестрелять, или отработать заставите? Говори прямо, мужик: что вы хотите взамен за этот мешок?!

Его спутники по бокам тоже не шевелились — они сжимали цевья двустволок так, что побелели костяшки пальцев, и лихорадочно озирались по сторонам, выискивая в скалах скрытых снайперов или ловушку. За всю зиму в этом мёртвом лесу им никто ничего не дал без цены, без долга и без ножа у горла.

Андрей стянул с головы мокрый резиновый капюшон, вытер тыльной стороной перчатки пот со лба, посмотрел на испуганных, худых детей у шалаша, а потом спокойно, без всякой торжественности ответил: — Ничего. Ешьте, мужики. Детей накормите сначала, там сгущёнка и сухое молоко сверху лежат, и антибиотики Оксана положила от простуды. Весна идёт. Нам с вами делить нечего, нам дальше на запад идти.

Слова горного мастера ударили сильнее любого выстрела. Старший стоял неподвижно несколько секунд, переводя взгляд с чистого, усталого лица Андрея на брезентовый мешок у своих ног, словно у него в голове с треском ломались все привычные правила этого вымерзшего мира. Затем он медленно опустился на колени прямо в мокрую грязь, дёрнул завязки, достал банку сгущёнки и вдруг закрыл лицо грязными, обмороженными ладонями, сдавленно всхлипнув.

Через полчаса те самые четверо одиночек уже помогали Виктору и Кириллу крепить стальной трос лебёдки к вековой лиственнице на том берегу, а их жёны, плача и благодаря, разливали по кружкам горячий чай из нашей заварки, чтобы отогреть промокшего до пота Андрея.

Когда последний МАЗ выбрался на западный берег, отряхивая с колёс грязь и ледяную крошку, и колонна снова выстроилась на размокшей, разбитой весенней дороге, я оглянулась назад.

Там, далеко за каменными хребтами Алтая и Саян, оставался Центральный узел, где в тишине машинного зала тикали три тысячи шестьсот двадцать четыре дня нашего испытательного срока. А перед нами лежала бесконечная, просыпающаяся от ледяного сна страна — дорога обратно к Волге, к Жигулёвской плотине, где мы должны были замкнуть круг и доказать Машине, что люди умеют жить без поводка и без распределителей.

Глава 2. Оттепель

Апрель в предгорьях Алтая оказался страшнее любого январского бурана.

Когда температура держится на отметке минус сорок пять, мир понятен и твёрд: снег скрипит под сапогами как сухой песок, наст держит вес взрослого человека, а любая река становится прочным бетонным мостом. Но когда запущенные «Одиссеей» атмосферные коагуляторы разогнали верхний слой сажевой пелены, а геотермальные узлы начали отдавать тепло в мерзлую землю, горы проснулись разом — с глухим, угрожающим гулом ломающегося льда.

На седьмые сутки обратного пути мы спускались по узкому, зажатому отвесными скалами каньону горной реки Чарыш, пробиваясь на северо-запад, к равнинному тракту.

Дорога здесь представляла собой узкую, вырубленную в скале полку в трёх метрах над руслом. Справа нависала мокрая, сочащаяся талой водой гранитная стена, с которой то и дело срывались тяжёлые сосульки и обломки подтаявшего карниза, гулко ударяя по железным крышам кунгов. Слева кипел и ворочался бешеный, мутный поток цвета разведённой глины. Река вспухла на глазах: за последнюю ночь вода поднялась больше чем на метр, неся сверху вырванные с корнем вековые лиственницы, чёрную шугу и громадные, толщиной в полметра, обломки донного льда.

В кабине головного МАЗа было душно от сырости. Дворники с противным резиновым скрипом сгоняли со стекла мокрый снег с дождём, а Виктор вцепился в руль так, что побелели костяшки пальцев. Колёса тяжёлых грузовиков вязли в раскисшей глине, перемешанной с ледяной кашей, задний мост то и дело сносило к самому краю обрыва, и лишь стальная сцепка с идущим впереди «Витязем» не давала машинам уйти в воду.

Я сидела на спальнике за спиной водителя, прижимая к себе мокрых, пахнущих псиной и талым снегом Эйдана и Эйли. Оба бордера не спали с рассвета. Эйли сидела, уперев передние лапы в край сиденья, и тревожно прислушивалась к низкому, нарастающему гулу, который шёл откуда-то сверху, из-за поворота ущелья — гулу, не похожему на обычный шум воды. А Эйдан то и дело поворачивал ко мне голову и тихо, коротко тыкался влажным носом в мою руку, пытаясь сказать то, для чего у собак нет слов.

— Не нравится мне эта тишина впереди, Артур, — хрипло бросил Виктор, нажимая на тормоз и выкручивая руль от края осыпающейся обочины. — Вода за последние десять минут упала сантиметров на двадцать. Слышишь? Поток стихает.

Артур, сидевший на пассажирском сиденье с эбонитовой трубкой полевого телефона ТА-57 в руке, мгновенно напрягся. В горах резкое падение уровня реки во время бурного весеннего паводка означает только одно: где-то выше по течению, в узкой горловине каньона, реку перегородило. Огромный ледяной затор, забитый буреломом и камнями, прямо сейчас копит за собой миллионы тонн талой воды, готовясь прорвать плотину и смести всё в ущелье десятиметровым валом.

— Кирилл, приём! — рявкнул командир, крутанув индукторную ручку телефона и нажимая клавишу на трубке, связанной кабелем П-275 с идущим впереди вездеходом. — Что там за поворотом? Почему «Витязь» встал?

В динамике затрещало, и через секунду прорвался сорванный, запыхавшийся голос Кирилла: — Артур, тут завал! Оползень сошёл с левого склона вместе с вековым кедрачом и забил узкую трубу каньона намертво! Лёд прёт сверху, вода уже на полметра выше дороги за плотиной стоит! Нам не объехать и назад не сдать — позади в трёхстах метрах скальный прижим, МАЗы там не развернутся!

— Глуши моторы, все из машин! — скомандовал Артур в трубку и тут же толкнул дверь кабины, выпрыгивая в ледяную грязь. — Взять детей и собак, поднимаемся на скальную полку выше отметки паводка! Бегом!

Мы высыпали из кунгов под косой, холодный весенний ливень.

Каньон здесь сужался до двадцати метров, превращаясь в каменную бутылку. И прямо в горловине этой бутылки выросла чудовищная, шевелящаяся гора высотой с трёхэтажный дом: вырванные с корнем кедры, валуны, спрессованный мокрый снег и гигантские синие плиты речного льда, вставшие дыбом. За этой живой плотиной с глухим, страшным утробным рёвом клокотала задержанная река — мутная вода уже перехлёстывала через верхний гребень завала и бурным потоком катилась прямо на нашу колонну, заливая гусеницы «Витязя» и подбираясь к нижним ступенькам МАЗов.

Через пять минут вода поднимется ещё на два метра, смоет дорогу и похоронит в ледяном месиве и технику, и запасы лекарств, и всех нас — подняться на отвесные, гладкие от воды гранитные стены выше по склону с детьми и собаками было невозможно.

— Взрывать надо, командир, — раздался спокойный, низкий голос рядом со мной.

Я обернулась. У заднего борта второго МАЗа стоял Андрей. Бывший горный мастер, человек с крупными, узловатыми руками, привыкшими к буру и аммоналу, уже успел натянуть поверх ватника и брюк свой герметичный костюм ОЗК, стянув его ремнём на поясе и застегнув под горло. Он смотрел на шевелящуюся стену льда и брёвен с холодным, профессиональным прищуром. Рядом с его ногами, прижавшись боком к резиновому бахилу, стояла Пятница. Она дрожала под холодным дождём, её жёлтые глаза не отрывались от лица хозяина.

— Чем взрывать, Андрей? — глухо спросил Север, подбегая к ним с закинутым за спину автоматом и придерживая за ошейник Граната. — У нас из взрывчатки только четыре ручные гранаты Ф-1 да два заряда пластита в ящике у Кирилла. Этой мелочью такую гору с места не сдвинешь.

— Гору сдвигать и не надо, — покачал головой Андрей, указывая пальцем в самое основание завала, туда, где два огромных, в три обхвата, ствола вековых лиственниц перекрестились в узкой расщелине, удерживая на себе всю многотонную массу льда и камней. — Видишь замок? Вся эта дура держится на двух нижних брёвнах, заклиненных в скале. Если заложить оба брикета пластита прямо в стык под нижнюю лиственницу и перебить её — давление воды само вырвет пробку и спустит паводок в русло за полминуты.

— Туда не подойти по воде, — резко бросил Артур, оглядывая бушующий поток перед завалом. — Течение утянет под лёд раньше, чем доберёшься до брёвен. А дистанционного радиовзрывателя у нас нет — мы сами все станции разбили на Иртыше, а провода катушки не хватит до безопасного уступа, смоет к чёрту.

Андрей помолчал пару секунд. Капли холодного дождя стекали по его небритым, обветренным щекам. Он перевёл взгляд на дверь кабины вездехода, где в окне мелькнуло испуганное бледное личико маленькой Маши, прижавшейся к плечу Сергея; посмотрел на Оксану, которая прикрывала собой ящики с антибиотиками, потом на Виктора и на нас.

Он не стал произносить громких слов. Для человека, который всю жизнь проработал в забое и привык держать кровлю, чтобы не завалило смену, это не было геройством или приказом — это была просто его работа, которую некому больше сделать.

— Катушку с проводом П-275 всё равно размотайте до крайнего поворота, чтобы я на коротком поводке не сработал, — негромко сказал Андрей, поворачиваясь к Кириллу. — Давай оба брикета, детонаторы и зажигательную трубку с огнепроводным шнуром на сорок секунд. По карнизу вдоль скалы я долезу до замка.

— Я с тобой пойду, горный, вдвоём быстрее заложим, — шагнул вперёд Север.

— Не надо, майор, — твёрдо остановил его Андрей, кладя тяжёлую ладонь на плечо спецназовца. — Там уступ в полступни шириной, вдвоём не разойтись. Да и кому-то надо будет людей наверху держать, если волна пойдёт.

Он опустился на одно колено перед Пятницей, и она сразу ткнулась влажным носом ему в шею, заскулила тихо, тонко, словно уже знала всё наперёд. Андрей крепко обнял собаку за

мокрые, дрожащие плечи, прижался щекой к её жёсткой пегой шерсти, а потом резко расстегнул карабин и передал кожаный поводок мне в руки.

— Подержи её, Яна, — тихо попросил он, не глядя мне в глаза. — Не пускай за мной. Она дурная, за мной в воду полезет.

— Андрей... — выдохнула я, сжимая ремень так, что кожа врезалась в ладонь. — Возвращайся по верху, по скале, слышишь?

Он только коротко кивнул, туже затянул лямки капюшона ОЗК под подбородком, сунул за пазуху в непромокаемый пакет оба брикета пластита, перекинул через плечо моток огнепроводного шнура и пошёл вдоль отвесной, скользкой гранитной стены к основанию завала.

Мы замерли у машин. Никто не проронил ни слова — слышен был только нарастающий, оглушительный рёв воды, готовой вот-вот перелиться через гребень плотины и обрушиться на колонну. Оксана стояла у подножки медблока, обняв за шею Барни; сержант Лобанов и четверо бойцов комендатуры вжались в скалу, держа на руках Машу и ящики с продуктами. А рядом со мной билась в ошейнике Пятница, рвалась вперёд, скуля и царапая когтями мокрый камень, и я держала её обеими руками, упираясь каблуками в грязь, пока Эйдан и Эйли стояли по бокам, прижавшись плечами к собаке и не давая ей вырваться.

Андрей добрался до основания завала. Мы видели его тёмную фигуру в костюме ОЗК на самом краю пены, в двух метрах над кипящей бездной. Вот он опустился на колени в узкую расщелину между мокрым гранитом и гигантским стволом лиственницы, закладывая заряды. Над его головой с сухим, пушечным треском лопнула верхняя ледяная плита — завал дрогнул, оседая под чудовищным давлением миллиона тонн воды, и сверху посыпались первые валуны и обломки стволов.

Времени уходить по карнизу уже не оставалось.

Андрей вскинул руку — в сером дождевом сумраке вспыхнула короткая, яркая искра тёрочного воспламенителя. Шнур зашипел, выбрасывая тонкую струйку сизого дыма. Горный мастер прижал заряды камнем, чтобы их не вымыло струёй, и начал подниматься вверх по мокрой, отвесной скале, цепляясь пальцами за трещины в граните.

Он успел подняться метра на три, когда завал над его головой с оглушительным, громовым треском разломился пополам.

Огромная, многотонная ледяная глыба сорвалась с верхнего гребня и ударила точно по уступу, за который держался Андрей. Человека сбило со стены, как щепку, и бросило вниз, в самую середину ревущего водоворота перед плотиной.

— Андрей!! — закричала я, срывая голос.

И в ту же секунду, перекрывая шум реки, из-под основания завала ударил глухой, тяжёлый, сдавленный толщей воды и льда взрыв.

Каменный каньон качнулся под ногами. Вверх взметнулся чёрный фонтан грязи, щепок и ледяной крошки. Перебитый ствол вековой лиственницы с пушечным треском разлетелся в стороны — и вся чудовищная плотина рухнула.

Стена мутной, пенящейся воды с ревом хлынула в освободившееся русло, снося на своём пути обломки льда и вырванные деревья. Вал прошёл в полуметре ниже колёс наших МАЗов, обдав машины ледяными брызгами, пронёсся мимо капота «Витязя» и ушёл вниз по ущелью, унося с собой опасность. Уровень воды начал стремительно падать. Колонна была спасена.

Но внизу, в кипящем, мутном потоке, уже не было никого. Река сомкнулась над тем местом, куда упал человек, и унесла его в каменную теснину.

Пятница вырвалась раньше, чем я успела перехватить ремень — мокрый кожаный ошейник выскользнул из моих онемевших пальцев. Она молнией метнулась к самому краю обрыва и с отчаянным, хриплым визгом прыгнула в ледяную, несущуюся воду следом за хозяином.

— Эйдан! Держи её! — крикнула я, срывая с пояса запасной нейлоновый поводок и бросаясь к кромке обрыва.

Соболь сработал мгновенно. Не раздумывая ни секунды, бордер с белой проточиной на морде и тёмным соболиным подпалом на мокрой шерсти прыгнул на нижний, заливаемый водой уступ скалы, вцепился зубами в кожаный ошейник Пятницы за секунду до того, как быстрина утянула метиску в основной поток, и упёрся всеми четырьмя лапами в мокрый камень, удерживая тяжёлую собаку на весу над пропастью. Эйли следом вцепилась зубами в загривок Эйдана, создавая живую цепь, а через секунду подоспели мы с Артуром — мы перехватили собак за ошейники и рывком вытащили мокрую, захлёбывающуюся Пятницу обратно на дорогу.

Через десять минут дождь стих. Над узким каньоном Чарыша впервые за утро выглянуло холодное, бледное весеннее солнце.

Мы стояли на мокрой каменной полке у машин, не смея двинуться с места. Артур снял мокрую шапку, медленно провёл ладонью по лицу и глухо, глядя в уходящую вниз реку, произнёс: — Помянем горного. Без него мы бы все там, под льдом, остались.

А на самом краю обрыва, там, где мутная вода ещё пенилась вокруг обломков взорванного завала, сидела мокрая до нитки, дрожащая Пятница. Она не подошла ни ко мне, ни к Артуру, ни к остальным собакам. Пятница подняла острую морду к серому небу и издала долгий, одинокий, пробирающий до костей вой над пустой рекой — прощаясь со вторым хозяином, которого у неё забрала эта земля.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.